

Однако веселье длилось недолго: Локи ни разу не задумался о том, почему они не стали более известными. И насколько меньше было бы предрассудков и злобы (не говоря уже о высокомерии!), если бы правда была более широко известна. Вряд ли Один пострадает, если об этом станет известно больше, ведь и он, и Борр уже пережили обнародование этих знаний. Он мог только надеяться, что это не было преднамеренным стиранием фактов, как опасался Локи. Впрочем, не исключено, что это были скорее медленные, ползучие изменения, развивавшиеся в течение нескольких столетий, поскольку отношения между двумя королевствами испортились еще до войны, которая, несомненно, ускорила развитие событий. Это не оправдывало действия или отсутствие таковых со стороны Один.

Подобного очернения ваниров не было после эсир-ванирской войны, которая предшествовала войне с Ётунхеймом на несколько тысячелетий.

Локи приостановился, задумавшись. Почему так произошло? Да, война с Ванахеймом была короче, чем с Ётунхеймом, но не намного, и она была примерно такой же кровопролитной, потому что, хотя все происходило на одной планете, у ваниров были преимущества на родной планете, которые они использовали в полной мере. Кроме того, они были гораздо лучше ледяных великанов осведомлены о боевых стратегиях эсиров, так что их обычная тактика оказалась совершенно бесполезной. Судя по тому, что он читал, это была довольно сложная дилемма. В том числе и поэтому он никогда не был сторонником того, чтобы слишком полагаться на какую-то одну стратегию (даже если он не мог удержаться от того, чтобы не использовать одну и ту же стратегию против Тора снова и снова, просто чтобы посмотреть, как часто большой дурак будет попадаться на одну и ту же уловку) или способ ведения боя. Это означало, что брат и друзья Тора высмеивали его за взбалмошность, а наставники воинов ругали за явное отсутствие дисциплины, но это же не раз спасало ему жизнь, когда его универсальность позволяла ему полностью менять тактику в бою с несколькими противниками.

Так что если не продолжительность войны и не количество жертв привели к заметной разнице во враждебности между эсирами, ванирами и ледяными великанами, то что же тогда?

Недолго думая, Локи вновь открыл королевскую библиотеку и запросил договор, который Борр подписал с отцом Фригги, Ньёрдом. Мысль о матери на мгновение заставила Локи замереть, а затем к нему пришла новая мысль. Возможно, ему не следовало удивляться тому, что Один решил взять его с собой по политическим соображениям, как только Боррсон назвал его Лауфейсоном. В конце концов, точно так же он рассуждал, организуя брак своих родителей. Борр знал, что Ньёрд находится в конце своего правления и что Фригга и Фрейр были близки. Поэтому, взяв ее в качестве новой невесты для своего сына и наследника, он позаботился о том, чтобы ваниры больше не восстали против Асгарда.

Судя по тому, что он читал, принцесса Фригга была весьма популярна. Это ничуть не удивило Локи, не знавшего своей матери и ее хитрости и политической хватки.

Удивительно, но как бы ни возмущало и ни бесило Локи первоначальное открытие о начале отношений его родителей, теперь оно почти утешило и успокоило его. Да, ему по-прежнему была неприятна эта тактика, хотя его мать уже не была ребенком, но он, как никто другой, знал, насколько искренними были любовь и привязанность между ними. А это означало, что, возможно, Один не лгал, когда неоднократно называл его своим сыном в хранилище. Одна

только возможность этого заставила Локи закрыть глаза, так как в глубине его души ярко и жарко пылала несбыточная надежда. И все же он постарался взять себя в руки, прекрасно зная, насколько мимолетной и хрупкой может быть надежда, не говоря уже о том, насколько разрушительной она может оказаться, если окажется иллюзорной или ошибочной.

Локи не мог не надеяться, и это раздражало его, хотя и успокаивало. Проклятые эмоции. Ему действительно нужно было восстановить свое ядро, чтобы магия и эмоции пришли в равновесие. Но об этом позже, после того как он предотвратит дальнейшую эскалацию войны с Ётунхеймром.

Локи взял кусок пергамента и открыл договор между Асгардом и Ванахеймром, на ходу записывая свои первые впечатления. Точнее, первые впечатления, потому что он уже видел его однажды, еще подростком, когда его учитель политики приводил его в качестве примера хорошего договора. Глядя на него сейчас, он не мог не заметить, как сильно он выгоден Асгарду, что было вполне логично, поскольку они были победителями, но при этом возникал вопрос, как он не привел к эскалации недоброжелательности между двумя королевствами. Ну, за исключением таких людей, как дядя Фрейр, который никогда особенно не любил Один.

Мысль о том, что Фрейр не был его настоящим дядей, оказалась на удивление болезненной для Локи, который, в отличие от Тора, всегда хорошо ладил со своим колючим дядей. Тот факт, что Фрейр всегда предпочитал его брату, конечно, помогал, но дело было не только в этом. Как и в случае с Фриггой, он чувствовал связь с Фрейром, гораздо более сильное чувство родства с ним, чем с Один за многие века. И он, и Тор всегда считали, что Локи просто больше тяготеет к материнской линии семьи, а Тор - к отцовской. Как же они оба ошибались. Единственный вопрос теперь заключался в том, знал ли дядя Фрейр правду, и имело ли это значение, если нет? Локи не хотел думать о том, что этот человек отвернулся от него, но он не был настолько наивен, чтобы полагать, что такая возможность не существует.

В конце концов, кто захочет добровольно претендовать на ётунна?

Чтобы отвлечься, Локи развернул договор с Ётунхеймром по другую сторону от себя, так что он мог видеть и изучать оба договора сразу.

Первое, что поразило Локи, - это то, насколько короче был договор с ледяными великанами. Если договор с ванами охватывал все - от управления государством до торговли и коммерции, то договор с ледяными великанами был, по сути, признанием поражения со стороны ледяных великанов от имени короля Лауфея, перечнем наказаний в виде потери Ларец Древней Зимы и возможности ледяных великанов покинуть Ётунхеймр, а также списком обещаний с обеих сторон о том, чего не следует делать, чтобы предотвратить новую вспышку войны. В общем, это был не более чем способ для Одина завершить свою победу и заставить Лауфея признать ее в окончательном, унижительном виде. Локи не мог не задаться вопросом, не считал ли Один нужным добавить к этому списку свое собственное приобретение, ведь сделать это было бы довольно просто. В конце концов, помолвка Фригги с Один была записана в договоре с Ванаром, так что это был не первый случай, когда член королевской семьи проигравшей стороны был взят в качестве части мирного договора и стал своего рода

заложником или страховым полисом. Хотя, по его мнению, это теряло всякую ценность, если заложник изначально был нежеланным.

Эта мысль вызвала у него новую вспышку мучительной боли, и Локи, стиснув зубы, ненадолго закрыл глаза. Ему действительно не стоило так беспокоиться о том, что думают о нем Лауфи и его родная мать, - не похоже, чтобы они были ему дороги. И все же мысль о том, что они были настолько отвратительны или разочарованы в нем, что оставили его умирать на холоде... Он не мог лгать себе, и эта мысль пронзила его насквозь, ударив по самому уязвимому месту.

Не желая разбираться с этим, Локи открыл глаза и снова сосредоточился на контракте. Итак, признание поражения, цена поражения и список действий, которые могут возобновить вражду между двумя королевствами. Ничего о помощи ледяным великанам в восстановлении, как это сделали ваниры. Ничего о налаживании торговых путей, чтобы помочь Ётунхеймру reintegrироваться с остальными Девятью. По сути, одним из условий возобновления войны было то, что все ледяные великаны должны были покинуть Ётунхеймр. Локи не мог понять, как они смогут это сделать, потеряв доступ к гробу. Разве что способность путешествовать по ветвям Иггдрасиля была особенно присуща ледяным великанам. Он не верил, что кто-то еще из его знакомых обладает этим даром, даже его отец.

<http://tl.rulate.ru/book/116348/4603186>